

СЕРГЕЙ ЛАТЫШОВ

БОЛЬНАЯ МЫСЛЬ

16+

Сергей Латышов

**Больная мысль.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

1991

Латышов С.

Больная мысль. Сборник рассказов / С. Латышов — «ЛитРес: Самиздат», 1991

ISBN 978-5-532-04338-1

Я рад, что эти произведения могут быть опубликованы. Они должны жить своей жизнью, а не лежать в столе. Хотя в этом сборнике последняя точка была поставлена очень давно, в последний год существования СССР, и многое изменилось с тех пор, нет страны на карте, в которой я родился и вырос, и взгляды на жизнь во многом поменялись, но эти первые рассказы остаются для меня самыми дорогими. Впоследствии было много других, для меня не менее интересных работ: постановки, сценарии, статьи для интернета и, конечно, тексты для телепередач и репортажей. Но к первым своим рассказам, написанным от руки в тетради, отношения остаются особенными.

ISBN 978-5-532-04338-1

© Латышов С., 1991
© ЛитРес: Самиздат, 1991

Содержание

Большая мысль	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Большая мысль

I

Мы встретились с ним, как обычно. Я только что закончил, свою утреннюю партию в гольф и, попрощавшись со своими партнерами, направился к дальней стороне площадки.

Он уже ждал меня, и еще издали помахал рукой. Так мы встречались с ним каждый день вот уже почти месяц; я после гольфа, он после своей прогулки по сумрачному лесу. Встречались для того, чтобы вместе возвращаться: к ленчу длинным путем – лесной тропинкой вокруг озера, в маленький курортный городок на севере Италии, где и он, и я, снимали небольшие коттеджи.

– Здравствуйте, Артур! – протянул он мне свою узкую белую ладонь.

– Доброе утро, мистер Пристлей!

– Вы выиграли сегодня?

– Да, но с очень небольшим преимуществом.

Он улыбнулся и жестом пригласил отправиться в путь. Я тоже ему улыбнулся и, поправив на плече сумку с моими клюшками, последовал за ним.

Я не спешил его догонять. Смотря в его немного сутуловатую спину, я в который раз задавал себе вопрос: что может быть общего между ним и мной? Мы ведь явно принадлежали к разным слоям общества, да к тому же он был и старше меня лет на тридцать, тридцать пять. И единственным объяснением нашей, так сказать, дружбы, я находил то, что по роду своей деятельности я умел слушать, умел слушать профессионально, подыгрывая и помогая собеседнику взглядом, выражением лица, заставляя его проникнуться ко мне доверием и раскрыться до конца. А мистер Пристлей любил говорить и очень любил, когда его внимательно слушали...

Я хорошо помню, как мы с ним познакомились. Это произошло совершенно случайно. Как-то ранним апрельским утром я шел по этой самой тропинке, спеша сыграть свою очередную партию в гольф. И так бы и прошел бы мимо, но что-то меня остановило, и я посмотрел влево. Немного в стороне от тропинки, на свежем сосновом пне сидел пожилой джентльмен. Его голова была слегка наклонена к плечу, а глаза закрыты. Шляпа лежала на коленях, трость прислонена к растущему рядом дереву. Он сидел так неподвижно, что казался изваянием. Я страшно любопытный, наверное, как и все журналисты. По этой то причине я и остался стоять на месте, совершенно открыто за ним наблюдая, хотя и опаздывал к началу партии в гольф.

– Слышите? – неожиданно обратился ко мне джентльмен, открыв глаза и повернувшись в мою сторону.

Я на мгновение растерялся, не зная, что ему ответить. Да и это неожиданное обращение сбilo меня с толку. Мне казалось, что он спал или, в крайнем случае, ничего не видел и не слышал вокруг себя. Но теперь было понятно, что я ошибся.

– Лес просыпается, – подсказал он мне.

Я прислушался, но ничего не услышал. Мое лицо, скорее всего, выражало глупое удивление. Он окинул меня недовольным взглядом, а заметив за спиной клюшки для гольфа, сердито спросил:

– Вы, очевидно, молодой человек, относитесь к тому типу бездельников, которые только и знают, что размахивать этими палками и гонять по полю мячи?

Я рассмеялся. Что-что, а спорт я все же считал более важным занятием, чем вздохи по порхающим бабочкам, или распускающимся на лугу цветочкам.

– Вы смеетесь, и это очень прискорбно, потому что современное молодое поколение не задумывается над природой жизни. Она устроена куда сложнее, чем считаете вы. И от этого все ваши беды.

Так началась его первая для меня лекция. Я и не заметил, как мы уже вместе шли по тропинке в сторону площадки для гольфа. А когда мы пришли на место, неожиданно пригласил на ленч, после того, как я закончу свою партию в гольф. Позднее я выяснил, что он преподавал философию в Кембриджском университете, и вот уже несколько лет, как ушел в отставку, но все по-прежнему нуждается в студентах. Я для него был находкой, заменяющий с успехом целую аудиторию. Но мне порой казалось, что он вводил меня в курс такой философии, которую не слышал никогда не один студент Кембриджа...

Прогулки в южных отрогах Альп никого никогда не оставят равнодушным. Даже мне, лишенному всяких сантиментов, доставлял удовольствие ежедневный, казалось бы надоевший, маршрут. А может быть, удовольствие доставляли мне беседы на странные темы, от которых становится немного не по себе, а то и вовсе жутко. Почему человека так тянет на все странное и таинственное?

Тропинка круто поднималась из ущелья на плато, с которого открывался вид на озеро на наш городок на противоположном его берегу. Мы шли пока молча, потому что на подъёме моему спутнику говорить было трудно. Но я знал, что поднявшись наверх и отдышавшись, он окинет взглядом синее, до неестественности, озеро и начнет для начала разговор на какую-нибудь отвлеченную тему: что-нибудь о хорошей погоде, поющих птичках или цветущих вокруг желтых, красных и сиреневых цветочках, и только затем последует что-нибудь серьезное и неожиданное; такое, что отвергается моим сознанием.

Наконец, к большому удовольствию мистера Пристлея, мы поднялись на плато. Далее тропинка пойдет без спусков и подъемов примерно километра два, затем начнет постепенно снижаться и извиваясь, огибать глубокие лощины, а уже в самом конце пути пройдет рядом с берегом озера.

Мой спутник остановился и повернувшись лицом к озеру, глубоко вздохнул. Я спрятал улыбку и приготовился слушать.

– Средняя весна, Артур, очень приятное и красивое время года, – не замедлил начать он. – Средней, я называю уже не раннюю, но и еще не позднюю весну. То самое время, когда только, только распустились первые листочки; молоденькая травка покрыла зеленым ковром землю; слышатся радостные трели птиц; солнце яркое и тёплое; небо синее-синее, и по нему плывут легкие, белые, редкие облака. И что самое важное для меня в это время года, это то, что еще не начался туристический сезон. Городок, который так любезно нас приютил, еще спокоен и несуетлив, также как и его окрестности, и где, можно бродить часами и не встретить ни души.

Мы, не спеша, пошли дальше. Тропинка была довольно широкой, и я без труда мог идти рядом со своим философом. Он тем временем продолжал:

– А пройдет совсем немного спокойных дней, и как несколько тысячелетий назад, толпы варваров, перевалив через Альпы, заполнят всю Италию.

Я хотел было заметить, что туризм весьма прибыльное дело в этой стране, что к примеру провинция Трентино только и живет тем, что принимает и зимой и летом десятки тысяч отдыхающих со всего мира. Но пока я размышлял, сказать это мистеру Пристлею или нет, он уже переключился на другую тему; тему, которая, как и все предыдущие, не так легко нашла во мне понимание.

– Но давайте, Артур, поговорим о другом.

Этот резкий переход сразу заставил меня позабыть о провинции Трентино, о трелях птиц, о голубом небе. Лицо моего спутника приняло серьезное выражение, не оставив на нем ни следа прежней восторженности, перед окружающей природой.

– Я давно хотел рассказать вам о вирусе большой мысли. Хотел рассказать вам, потому что большая мысль – это страшнее, чем все взятые вместе болезни нашего столетия. Её появление нельзя предотвратить мерами предосторожности, как к примеру вирус СПИДА. Её нельзя распознать заранее, как злокачественную опухоль. Она приходит внезапно и полностью овла-

девает человеческим рассудком. Хотя и сейчас, немало заражённых ею, но чем дальше, тем больше большая мысль будет распространяться по Земле. Это будет болезнь двадцать первого века, когда эпидемия большой мысли будет свирепствовать по всему миру.

Мистер Пристлей снял шляпу и вытер со лба платком пот, затем, помолчав с минуту, заговорил снова:

– Большая мысль существует издревле, и больные ей тоже были всегда. И напрашивается вопрос, чем же выражена эта болезнь? Спросите, Артур, любого врача психотерапевта, знает ли он истинную природу сумасшествия? Нет, они не знают. Они не там ищут причины. А в психиатрических клиниках содержатся не кто иные, как пациенты пораженные большой мыслью. Причины психических расстройств кроются именно в этом вирусе. Вижу, Артур, у вас готов сорваться с губ вопрос: так что же такое большая мысль? Для этого мне нужно объяснить вам природу человеческого мышления. Наши с вами мысли состоят из двух видов. Первые – это собственно наши, то есть рождённые в нашем сознании. Вторые – это пришедшие к нам извне. Теперь я вижу, что вам не понятно откуда это извне. Прошлый раз я кажется, Артур, вам говорил, что живая материя окружает нас повсюду, что мертвой материи, не существует. А еще раньше мы с вами выяснили, что живая материя и сознание составляют единое целое. То есть мы пришли к тому, что любая материя это сгусток мыслящей энергии. Теперь представьте, что материя излучает эту энергию, а человеческий мозг устроен, как радиоприёмник, принимающий эти излучаемые мысленные волны. Но человек пока не может управлять этим процессом. Мысли приходят стихийно отовсюду, от любой материи, будь то камень, дерево или белковая её организация. Мысль не нуждается в понимании, если даже она приходит из материи, жизнь которой основана на обмене углерода или кремневой основе. Мысль выше всего. Это уже потом в сознании человека она переходит в образ, и еще далее в слово. И именно поэтому нам кажется, что наши размышления исходят от нас самих. Так вот мы теперь вплотную подошли к вопросу, что такое большая мысль. Вы меня понимаете, Артур?

Я кивнул, хотя с трудом успевал следить за ходом его рассуждений. Но переспрашивать ни в коем случае было нельзя. Мистер Пристлей привык, чтобы его понимали с полуслова.

– Так вот, большая мысль рождается в поражённой материи. В природе её не так уж и много, но временами образуется извращённая материя. Естественно она излучает извращённые или больные мысли. Теперь вы должны понять, почему психических заболеваний в следующем столетии станет намного больше. Двадцать первый век будет веком экологических катастроф. Мутация материи станет обычным делом. Как грязный эфир, всё вокруг будет заполнено большой мыслью. Её и сейчас то легко встретить. Ни один человек не застрахован от неё. Она приходит без спросу, завладевает нашим рассудком и точит, точит мозг до умопомрачения. Вначале мозг сопротивляется и временами у человека наступают умственные прояснения, но в конце концов человек полностью попадает во власть извращённой мысли. Он теряет связь с реальным миром и навсегда остается...

Я уже не слушал. У меня от его мрачных прогнозов пошла голова кругом. Мне представилась большая мысль большим летающим насекомым, что-то подобное комару, но только большим, большим и вместо хоботка у него сверло. Этот комар-большая мысль стремительно подлетает к человеку и сев ему на голову, начинает её сверлить, человеку больно, он кричит...

– Так это получается, что я тоже могу ни с того, ни с чего сойти с ума? – с глупейшим выражением лица спросил я.

– Конечно. – спокойно и просто ответил мистер Пристлей, будто я у него спросил о том, что пил ли он сегодня за завтраком чай.

Тропинка пошла серпантинном под спуск. Из первой же глубокой лощины на нас дыхнуло сыростью. И может быть по этому у меня по коже пробежал холодок? Именно поэтому, а не от спокойных слов моего спутника.

– Безусловно, немаловажную роль играет состояние человека. Если его психика истощена нервными пере напряжениями, то и сопротивляемость мозга снижена, и у такого человека шансов заболеть довольно много...

Я больше не мог его слушать. А он продолжал и продолжал говорить. Говорить о том, что человек не может избавиться от большой мысли, так как ещё не научился управлять своими психическими процессами; что нужна огромная духовная сила, чтобы выслать из сознания, утвердившуюся в ней, большую мысль. А я шёл рядом и терпел. Мне начинало казаться всё это бредом. Для себя я полностью отверг его гипотезу, и не знал я тогда, что с ней мне еще предстоит встретиться.

Вскоре после этого разговора, примерно через неделю, я закончил заказанные мне очерки о северной Италии. Я провел прекраснейшее время в своей жизни и с грустью покидал гостеприимную страну. Начинался туристический сезон и по этой причине мистер Пристлей тоже засобирался домой. Но я уезжал раньше и он мне даже немного завидовал. Может быть он соскучился по дождливой Англии, а может быть жалел, что в моем лице терял единственного своего студента; студента довольно странной философии.

II

Красное, синие. Красное, синие. Зеленое, коричневое. Красное, синие. Оранжевое, голубое...

Не врите. Вы не могли различать цвета. Вы по-другому устроены. У вас нет глаз. Это всё неправда, что вы живые...

Ха-ха... Но солнце то есть. Есть его лучи. Есть свет. Конечно, мы его чувствуем по-другому, но он же есть. Есть и его оттенки. Это уже твой мозг даёт им названия...

Это всё обман. Этого ничего нет. Я просто устал и это мой бред. А когда я проснусь...

Красное, синие. Но ты вовсе не спишь. Жёлтое, черное. Присмотрись внимательнее, ты вовсе не спишь. Красное...

Пусть я не сплю. Но я устал. Мой мозг устал. Каждая его клеточка устала, а вы мешаєте...

Ага, значит ты признаешь, что мы есть. Оранжевое.... Мы рады за тебя. Мы рады, рады, рады...

Вас нет. Нет и не может быть. Мой мозг устал, вот он и несет эту чепуху. А я один. Один здесь. Вас нет рядом. Я один, один...

Красное, синие. Он один! Посмотрите на него, на одного. Видите ли он один. Может быть ты еще и скажешь: кто ты такой один есть? Желтое... Красное, синие. Ты не знаешь: кто ты такой? Но мы сейчас тебе подскажем, подскажем. Красное, синие...

Я сейчас вспомню. Не мешайте. Я...

Красное, синие. Мы тебе подскажем. Мы тебе подскажем. Ты один из нас. Ты один из нас. Зелёное...

Я вспомнил!

Ты один из нас. Ты один из нас. Красное, синие, зеленое. Ты один из нас, ты один из...

Я вспомнил! Вспомнил! Я Артур Берг! Я Артур Берг! Я вовсе не один из вас. Я Артур Берг. Я Артур...

Я стоял у зеркала и радостно кричал своему отражению: кто я такой. И только через минуту я смог опомниться. Я застонал и схватившись за голову, упал в кресло. Мне было страшно. Это был уже второй приступ. И он начался также как и первый, как то незаметно, будто что-то постепенно, постепенно втянуло меня в дискуссию, сумасшедшую дискуссию со своим собственным разумом. И я понял, что был болен. Болен большой мыслью. И всё меньше и меньше мне оставалось быть не сумасшедшим. С каждым разом, приступы будут всё длиннее и длиннее, и со временем сольются в единый не прекращающийся кошмар. И мне не вырваться из него. Я буду обречен на существование в четырёх стенах оббитых мягкой резиной, может быть в смиренной рубашке или даже крепко привязанный к больничной койке...

Так я сидел преисполненный жалостью к самому себе в своей пустой квартире. И некому было мне помочь. Один на один с наступающим сумасшествием. Я и они. Ожидание неизбежности. Из под сознания выросло возмущение против того, что я должен отдать свой разум, свой мозг, который я столько лет чему-то учил; отдать во власть чужой, пришедшей со стороны, извращенной мысли; отдать, почти не сопротивляясь, будто просто подарить. Но вместе с разумом я должен подарить и самого себя; все то, что называется моей личностью, моим внутренним я. И не только мое сознание, ещё и моё тело. Моё хорошее молодое и тренированное тело. Его засунут в смирительную рубашку. Оно будет дёргаться, брыкаться, кричать и может быть даже кусаться.

Можешь ли ты, Артур Берт, представить себе всё это? Можешь ли ты это допустить? Разве тебе не страшно? Останется ведь только жалкое подобие тебя. Не лучше ли тебе умереть, но зато не допустить издевательства над собой? Самоубийство? Да, но зато никто не будет тебя терзать. Ни тебя, ни твой уставший больной мозг, ни твоё тело.

Да, это неплохой выход. Но как? Как лучше это сделать? У меня нет пистолета. Нет яда...

Мистер Пристлей мне тогда в Италии сказал, что необходимо всегда на вот такой случай держать яд. А я только снисходительно улыбался. А верёвка? Верёвка? Нет, это не подходит. У меня с детства отвращение к висельникам. Причём здесь детство? Не детство, а висельники. Вот, что причём. Когда я был мальчишкой, мы с другом гуляли в лесу и наткнулись на повесившегося. У него был длинный, длинный язык. Я не хочу, чтобы у меня был такой язык...

...Не всё ли тебе равно, какой у тебя будет язык. Ты же будешь уже мёртвый. Ты даже знать об этом не будешь.

Но зато я знаю это сейчас. Мне совсем не всё равно, как я буду выглядеть, когда меня будут из петли вынимать.

Тогда окно. Двенадцатый этаж. Ты и накричаться то, как следует, не успеешь. Шмяк и готов. Быстро и удобно. И главное наверняка. Ты же знаешь, что внизу железные решётки.

Так это же всё в крови там будет. А что станет с моим телом? Как меня хоронить будут?

Ну, вот ему и это не подходит. Знаешь, тебе не угодишь. И что это за дурацкая привычка всё отвергать и ничего не предлагать взамен.

Наверное, всё же окно. Но только другое. Которое в спальне. Оно выходит на улицу и внизу под ним тротуар. Всё же не так тело изуродуется.

Да, что ты так за своё тело дрожишь? Кому оно нужно будет? Сгниет себе потихонечку в земле и ничего от него не останется.

И всё-таки в спальне.

Ну, как знаешь. Тебе видней. Только смотри, на прохожего не упали, и тем более не на запаркованную машину. Люди за неё все же деньги платили. Ну, давай! Что ты медлишь? Вылез в окно. Карниз. Ну, давай, шаг и дело с концом. Что медлить то?

...Я стоял на оконном карнизе двенадцатого этажа. Меня отрезвил холодный, ноябрьский ветер. Он бесцеремонно трепал мои волосы и рукава не застегнутой рубашки. Он шептал мне на ухо то, о чём я думал сам. Ведь прошло всего немного более полугода с того разговора о большой мысли. А она уже во мне, она только что чуть не столкнула меня вниз...

Все прошедшие три приступа были непохожи один на другой. Когда и тем более, каким будет следующий, я не знал. Его наступление распознать невозможно. И может быть он будет последним. Но одно я знал: я должен был спешить.

Я вернулся в комнату и поставил голову под холодный кран в ванной. Странно, но так легче думалось.

Вместе с холодной водой потекли хладнокровные мысли. Я быстро пришёл к выводу, что мне нужно было отключить мозг от каких-либо мыслей, и от своих, и от чужих. Дать ему полный: отдых.

Снотворного у меня не было. А бежать за ним в аптеку было равносильно самоубийству. Несомненно, что я не успел бы до начала очередного приступа.

Я вышел из ванной. Мой взгляд остановился на дверце бара. Это показалось мне единственным выходом. Я взял столько, сколько смог унести, а смог унести я пять бутылок виски, и побрёл в спальню. По дороге я твердил, что нужно, не успев протрезветь, напиться до беспамятства снова и снова. Именно до беспамятства. Очень быстро пьянеть до отказа и погружаться в небытие. Это был мой единственный шанс. Я надеялся, что после беспробудного пьянства, я не буду некоторое время соображать и значит, я не буду способен мыслить, ни своими, ни чужими мыслями. Но мой разум в своём подсознании окрепнет, хотя и не будет подвластен мне. Но он также не будет подвластен большой мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.